

возможности выявления среди позолоченных предметов такой технологии золочения, как амальгамирование. Реализуемое направление будет расширено за счет дальнейшего изучения фондов Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ, а также коллекций других многочисленных музеев Алтайского края.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова, Ф.Х. 2013. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Издательская группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана.
- Горбунова, Т.Г., Тишкин, А.А., Хаврин, С.В. 2009. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука.
- Гребенникова, Т.Г., Илюшин, А.М., Тишкин, А.А. 2013. Украшения конского снаряжения из кургана № 4 памятника Мусохраново-1 в Кузнецкой котловине. *Теория и практика археологических исследований*. № 2 (8): 109–116.
- Илюшин, А.М., Бутъян, В.А. 2010. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 г. на курганной группе Мусохраново-1. *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. № 4: 175–184.
- Король, Г.Г. 2008. Искусство средневековых кочевников Евразии: Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат.
- Минасян, Р.С. 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа.
- Мишуков, Ф.Я. 1954. Золотая насечка и инкрустация на древнем оружии. *Государственная оружейная палата Московского Кремля*. Отв. ред. С.К. Богоявленский, Г.А. Новицкий. М.: 115–136.
- Могильников, В.А. 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М.: Наука.
- Тишкин, А.А., Илюшин, А.М. 2010. Рентгенофлуоресцентный анализ предметов торевтики из кургана № 3 памятника Мусохраново-1 (Кузнецкая котловина). *Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии*. Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: 94–100.
- Тишкин, А.А. 2016. Плановые исследования древних и средневековых металлических предметов с помощью рентгенофлуоресцентных спектрометров. *Междисциплинарное изучение археологи Западной Сибири и Алтая*. Вып. 2. Отв. ред. А.П. Деревянко, Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: 75–78.

A.A. Tishkin

USE OF GOLD FOR MANUFACTURING OF TOREUTIC ITEMS IN THE EARLY MEDIEVAL PERIOD (SURVEYS OF ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA AND RESULTS OF X-FLUORESCENT ANALYSIS)

The excavation of early medieval burial complexes in the south of Western Siberia resulted in receiving of a fairly representative series of finds covered with gold. The objects include ornamentals of the horse equipment made of different alloys, non-ferrous metals which are studied with the help of modern equipment, including X-ray fluorescence spectrometers. The presence of gold is often recorded visually, but in some cases it can be detected only with the use of scientific methods. An important task in research is to identify the technology of the gold coating. The presence of traces of mercury indicates the use of amalgamation. The evidences were obtained with the used of two X-ray fluorescence spectrometers available in Altai State University.

Key words: West Siberia, archaeological sites, Early Middle Ages, ornamentals of horse equipment, X-ray fluorescent analysis, amalgamation, gold, mercury.

КОНТЕНТЫ ТЮРКСКОГО МАНИХЕЙСТВА В КУЛЬТУРЕ НОМАДОВ

К.У. Торланбаева

*Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова; Университет «Туран»,
республика Казахстан, Алматы*

Целью публикации является исследование образов тюркского манихейства в культуре номадов в период тюркских каганатов. Методологической основой статьи стал анализ письменных, археологических и историографических работ по тюркскому манихейству.

Результаты исследования показывают, что при идентификации манихейских артефактов возникают трудности, связанные со способностью манихеев адаптироваться к культурному окружению общества, где манихейство получило распространение. В Центральной Азии манихейские артефакты трудно различить с буддийскими, мусульманскими или христианскими. Тем не менее эти материалы существуют и говорят о бытовании манихейских общин, связанных с согдийцами, игравшими большую роль в регионе, влияние которых падает на период господства тюркских каганатов.

Ключевые слова: манихейство, согдийцы, тюркские каганаты, артефакты, погребение, письменные источники.

К началу нынешнего столетия интерес ученых к истории функционирования Великого шелкового пути расширяется в связи с существованием археологических артефактов, письменности, памятников

культуры, образцов технических достижений и других материалов из Центральной Азии, рассматриваемых в общем плане в трех направлениях: производительность, военная сила и власть торговли. Многими исследователями признается, что в Центральной Азии были распространены различные религии и существовали взаимовлияния и конкуренция между ними. Показательным является манихейство, получившее распространение в регионе посредством согдийской торговли, оставившей письменные источники и интересные с позиций репрезентации религии археологические материалы, а также сведения о связи манихейских общин с властью в тюркских каганатах. Широко разрабатываемый в научной литературе является вопрос о манихейско-буддийских, манихейско-зороастрийских и даже манихейско-даоских взаимосвязях, не говоря о влияниях манихейских гностических представлений на суфийские воззрения в исламе.

Напомним, что история манихейства после смерти основателя религии Мани была связана с передвижением этой религии из Сасанидского Ирана в различных направлениях, в том числе за пределы Амударьи и Сырдарьи. Для истории распространения манихейства в Согде А.М. Беленицкий отмечал: «Мы имеем достаточно яркие сведения о начальном этапе распространения манихейства в Средней Азии, т.е. для конца III и начала IV века. Однако для последующего времени, охватывающего более чем двухсотлетний период и остающегося до сих пор одним из самых темных периодов в истории Средней Азии вообще, мы не имеем никаких сведений. И только с конца VI в. в источниках вновь появляются известия о деятельности манихеев» (Беленицкий, 1954: 39). Путь в Центральную Азию и Китай вел по торговым путям, главными функционерами которых были согдийцы, а Согд занимал центральное место во всех торговых отношениях. Вследствие кооперации тюрков и согдийцев манихейство распространяется, достигая уже в VI в. Китая, а в 762 г. став официальной религией в Уйгурском каганате.

Археологический материал по манихейству в Центральной Азии включает в себя признанные учеными и широко исследуемые манихейские письменные источники на различных языках, настенную живопись в пещерных храмах, погребения согдийцев, в которых обнаружены манихейская иконография и другие артефакты. Все эти материалы обнаружены в Турфанском и Дуньхуанском оазисах, в Фунане и Сияне. А. Грюнведель, первый исследователь храмов в Кочо, перечисляет более пяти тысяч фрагментов рисунков, большинство из которых в рукописях манихейского происхождения (Grünwedel, 1912: 35). В результате работы немецких экспедиций оказалось, что около ста исследованных мест в Восточном Туркестане обнаружили материалы, относящиеся к манихейству. Они включали фрагменты восьмидесяти четырех священных рукописей, пятнадцать нарисованных и вышитых изделий текстиля, четыре настенные картины, отчеты А. Грюнведеля по двум кирпичным зданиям также говорят об их принадлежности манихейским общинам (Grünwedel, 1912: 21–27).

О состоянии археологических находок мы можем судить по результатам проведенной в сентябре–октябре 2007 г. экспедиции по древним городам Восточного Туркестана. В ходе ее была изучена манихейская настенная живопись, хранящаяся в коллекции Урумчинского музея. К сожалению, большая ее доля была вывезена европейскими экспедициями в XIX – нач. XX в. за пределы Китая и в настоящее время хранится в Берлинском, Британском музеях и Эрмитаже.

Уникальные климатические условия Турфанского оазиса повышенной сухости позволили сохранить настенную живопись в Безеклике, сейчас в основном здесь сохранилась буддийская настенная живопись. Относительно ее истории имеется авторитетное мнение Токао Мориясу. Он в своей монографии и ряде публикаций доказал наложение на манихейскую настенную роспись буддийской живописи. Он говорит о ранних датировках в распространении манихейства, которое просматривается при анализе настенной живописи пещеры № 25. Он заключает, что буддизм кушанского времени в оазисных государствах Восточного Туркестана к VI в. пришел в упадок, вместо него в это время распространяется манихейство, но затем в IX в. буддизм его вытесняет снова (Moriyasu, 2004: 6–8). Аргументы Т. Мориясу основаны не только на систематическом изучении слоев настенной живописи пещерных храмов в Безеклике, но и на ряде письменных источников, в основном фрагментов текстов о существовании манихейских монастырей в Кочо (Henning, 1936: 24–25; Boyce, 1975: 144–145).

Летом 2003 г. в Сияне (пров. Шанси) в ходе археологических работ было обнаружено погребение VI в. Как показали исследования, это было погребение согдийца, умершего в 579 г. в возрасте 85 лет. Это погребение интересно во многих отношениях: эпитафии на китайском и согдийском языках, социальное положение погребенного, рельефные картины со многими деталями, ясно указывающие на религиозную принадлежность изображения. Согдийская надпись называет имя погребенного согдийца; он по происхо-

ждению был из Кеша из рода Виркак, которые руководили торговыми связями в Ганьсу, его звали Сабао из Качана, т.е. он возглавлял местных согдийцев (Vaissière, 2005: 358).

Со времени открытия погребения в науке существуют различные его интерпретации, и, прежде всего, картинного рельефного ряда. Здесь видится образец искусства, основанного на смешении образов таких религий, как зороастризм, буддизм, манихейство и даосизм. Остановимся на картинах, которые следует воспринимать в едином композиционном решении всего погребения, где погребенный занимал важное место. Вместе с этим нужно отметить, что сложная детализация рельефных образов усложняет понимание, а чтение иконографических сюжетов построено на анализе других образцов искусства Центральной Азии.

В верхней части композиции погребения изображен человек в образе Будды, сидящий в форме лотоса, кажется, что он благословляет или проповедует на собрании верующих, среди которых погребенный и его супруга. Главной его особенностью является борода, что совершенно не характерно для изображений Будды. У даосов существовала легенда, говорящая о том, что Лао-цзы изображался с бородой и носил даосский головной убор. У манихеев в иконографической традиции также фиксируется изображение Мани с бородой и тиарой на голове. В нижней части этой картины группа мужчин и львов, смотрящих на скопление разных птиц, все в преклонении (Vaissière, 2005: 358–359).

Как предлагает Е. де ля Вэссиер, понимание содержания образа этого персонажа в композиции можно найти при рассмотрении трех групп людей (Vaissière, 2005: 360). Слева три человека в шиньонах, вероятно, слушающие проповедь, их лица обращены к другим слушателям, одетых в шапки и имеющие стрелы, указывающие на их принадлежность к согдийцам. Ниже трона Будды, изображены другие три персонажа в длинных одеждах и в высоких головных уборах. Присутствие всех этих трех групп людей можно принять за членов религиозной общины. Интересна последняя группа рельефной картины. По характерной длиннополой одежде и высоким шапкам они напоминают изображения на турфанских манихейских миниатюрах и настенной живописи. По манихейской иконографии в книжной миниатюре и археологическим материалам имеется специальное исследование Берлинской коллекции, в которой указано, что несомненным атрибутом манихейских избранных были длиннополые одежды белого цвета и высокие головные уборы (Gulácsi, 2001).

На правой стороне от гроба изображаются люди, переходящие мост Чинвад. В зороастризме считается, что после смерти через четыре дня душа умершего человека подходит к мосту Чинвад, где ее встречает Дева, которая измеряет ее добрые и дурные деяния, и от этого зависит, попадет ли человек в рай или ад. Вот что об этом говорится в пехлевийском сочинении «Суждения Духа разума»: «На рассвете четвертого дня она (душа) с помощью праведного Сроша, благого Ветра, могущественного Вахрама и при противодействии Аствихада, злого Ветра, дэвов Фрезишт и Низишт, злонамеренных действий Хешма, злодея с кровавой дубинкой, достигнет страшного высокого моста Чандвар (Чинвад), к которому приходят все – и праведный, и грешный. И там произойдет много споров...» (Зороастрийские тексты, 1997: 84). Относительно зороастрийских мотивов в картинах погребения из Сияня имеется интересная статья Ф. Грене, П. Рибуда и Д. Янга под названием «Зороастрийские сцены в новом согдийском погребении из Сияня, Северный Китай». Как считают авторы, погребенный был согдийцем, исповедовавший зороастризм, поэтому его похоронили в соответствии с зороастрийскими традициями, чему неопровержимым подтверждением является изображение моста Чинвад как главного атрибута перехода из земной жизни в иную. Однако в новой буддийско-даоской среде зороастрийские элементы претерпели влияние этих религий, отсюда изображение Будды с бородой, что указывает на иранское иконографическое влияние (Grenet, Riboud, Yang, 2004: 274–279).

Другое мнение о понимании изображения зороастрийского моста Чинвад принадлежит Э. де ля Вэссиеру (Vaissière, 2005: 362). По его мнению, мы видим показательный пример синкретического искусства. Мост Чинвад принадлежит к важному элементу погребального обряда, он может быть понят в соответствии с зороастрийскими текстами, однако главная его понятийная семантика проходит через восприятие перехода в иной мир. В пехлевийском тексте мост Чинвад отражает индивидуальное прохождение души человека. На этом рельефе мы видим картину того, как ритуал сопровождения в иной мир погребенного происходил в присутствии и участии многих других персонажей: его каравана и, возможно, членов его семьи. Напомним, что в буддизме и манихействе образ жизни религиозной общины представляется как караван, следующий за Бодхисатвой и Мани, которые ведут к воротам освобождения. Не этот ли караван изображен на мосту Чинвад, по которому идет и погребенный согдиец?

Авторитетное мнение Ф. Грене и других исследователей о зороастрийских мотивах рельефной композиции с мостом Чинвад обнаруживает лишь существующую прежде дискуссию зороастрийцев и манихеев, нашедшую свое отражение в синкретических картинах сияньского погребения. Согласно письменным источникам, дискуссия между зороастрийцами и манихеями началась в период ранних Сасанидов и приобрела форму религиозной неприязни, приведшую к исходу манихеев за пределы Ирана и его распространению в мире. В пехлевийских книгах мы находим одно из мнений убежденного зороастрийца, Мардан-Фарруха, о том, что «худший из ложных учителей, интеллектуально одурманивающим был Мани», а в другом месте находим обвинение Манушчихра о новшествах в очистительные обряды, принятые его братом Затспрам, первосвященником Сиркана. «Следует знать, – пишет Манушчихр своему брату, – что если бы вы говорили на собрании тогузгузов, вы нашли бы, что лишь немногие противоречат Вам». Как комментирует это послание Р.Ч. Цэнер: «Тогузгузы были не только тюркским племенем, что было достаточно плохо; они были также манихеями, что было значительно хуже» (Zaehner, 1961: 5).

Сложным вопросом в понимании археологических материалов, принадлежащих манихеям, является группа материалов найденных в разных областях Центральной Азии: Таджикистан (Пенджикентское городище), западное Семиречье Казахстана и север Кыргызстана (Таласская область), Южная Сибирь (Хакассия и Тыва) и другие места. Эти археологические находки, многообразные по составу от настенной живописи в Пенджикенте до отдельных предметов в Каялыке, косвенно указывают на бытование манихейства.

На территории Западно-тюркского каганата манихейство стало распространяться в одном из важнейших ремесленно-торговых центров тюрков и согдийцев в древнем Таласе. Талас был той страной, которую источники того времени называют Аргу-Талас, Алтун-Аргу-Талас, Аргу-Талас-Улуш. Сведения об этом содержатся в тюрко-манихейской «Священной книге двух основ» (İki yiltiz nom). Фрагменты этой «Книги» были обнаружены экспедицией А. фон Лекока в 1907 г. в селении Караходжо (Турфанский оазис). Она была написана в Аргу-Таласе для того, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел» (Кляшторный, 1964: 131). «Книга» была посвящена правителю из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан (Henning, 1977). Ее составление относится к первой четверти VIII в. Одним из тех, кто пользовался учением Мани, был Арслан Менгю. В стране Аргу были установлены четыре манихейских храма в Чигиль-балыке, Кашу, Орду-кенте и Йигян-кенте. Именно с этими манихейскими общинами связаны находки 1957 г. на территории древнего Таласа (*совр.* Тараз, Республика Казахстан). Т.Н. Сенигова выявила ряд материалов, свидетельствующих о бытовании манихейской религии у населения Таласа и его обширной округе в VI–VIII вв. Появление и утверждение манихейства в Таласе, расположенном на скрещении транзитных дорог «Восток–Запад», были связаны с активной внешне-торговой и миссионерской деятельностью Согда, сильная манихейская община которого существовала наряду с зороастрийской и занимала важное место во всех сферах жизни (Зуев, 2002: 185). Поэтому у наследников западных тюрков тюргешей, ополчившихся против завоевателей арабов, имелись не только политические и экономические, но и религиозные мотивы. Сменившие власть тюргешских каганов карлуки также оказывали сопротивление носителям ислама, и хотя в этот период арабское влияние распространилось на такие тюркские города, как Талас, Фараб, Испиджаб, они оставались наиболее спокойными владениями арабов.

О бытовании манихейства у карлуков также имеются археологические сведения. В городище Каялык (около г. Сарканд, Республика Казахстан) на протяжении 10 лет Институтом археологии ведутся раскопки комплекса археологических памятников и близлежащих территорий. Важным составляющим городища являются раскопки храмовых сооружений, определяемых археологами как манихейские и мусульманские, относящиеся примерно к X–XIII вв. Городище Каялык относится ко времени Карлукского каганата, расположенное в Илийской долине, через него проходил караванный путь в Китай. В период монгольского завоевания Каялык подвергся уничтожению, свидетельства пожара, полыхавшего в это время, обнаружено в ходе раскопок.

Таким образом, при идентификации манихейских артефактов возникают трудности, связанные со способностью манихеев адаптироваться к культурному окружению общества, где манихейство получило распространение. Поэтому с определенной точностью указать на археологические остатки как свидетельства бытования манихейства сложно. В Центральной Азии манихейские артефакты бывают совершенно неопределяемыми с буддийскими, мусульманскими или христианскими. Тем не менее эти материалы существуют и говорят о бытовании манихейских общин, связанных с согдийцами, игравшими полити-

ческую, культурную и экономическую роль в регионе, расцвет которых падает на период господства тюркских каганатов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий, А.М. 1954. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. *Живопись древнего Пенджикента*. М.: Наука: 27–82.
- Зороастрийские тексты, 1997. Суждения Духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Введение, транслитерация пехлевийского текста, перевод и комментарий. Издание подготовлено О.М. Чумаковой. М.: Вост. лит.: 325 с.
- Зуев, Ю.А. 2002. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс: 332 с.
- Кляшторный, С.Г. 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука.
- Boyce, M.A. 1975. Reader in Manichaean Middle Persian and Parthian. Text with Notes. Acta Iranica IX. Lieden: Brill: 196.
- Grünwedel, A. 1912. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch Turkistan, Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Berlin: Verlag der Königlichen Akademie der Wissenschaften: 60.
- Gulácsi, Z. 2001. Manichaean Art in Berlin Collections. *Corpus Fontium Manichaeorum. Series Archologica et Iconographica*. Tunhout: Brepols: Vol. 1: 282.
- Henning, W.B. 1936. Ein manichäisches Bet und Beichtbuch. *APAW*: n. 10.
- Henning, W.B. 1977. Argi and the «Tokharians». Selected papers. Lieden: 548.
- Moriyasu, T. 2004. Die Geschichte des uigurischen Manichäismus an der Seidenstrasse, Forschungen zu manichäischen Quellen und ihrem geschichtlichen Hintergrund. Übersetzt von Christian steineck. *Studies in Oriental Religions*. Wiesbaden: Vol. 50: 292.
- Vaissière, E. de la. 2005. Mani en Chine de VI-e siècle. *Journal Asiatique*. Vol. 293, N1: 357–378.
- Zaehner, R.Ch. 1961. Dawn and Twilight of Zoroastrianism. The Pahlavi Books. N.Y.: Putnam: 181 p.

K. Torlanbaeva

THE CONTENTS OF THE TURKIC MANICHAISM IN THE CULTURE OF NOMADS

The purpose of the publication is to study the images of the Turkic Manichaeism in the culture of nomads during the period of the Turkic Khaganates.

The methodological basis of the article was the analysis of written, archaeological and historiographical works on the Turkic Manichaeism.

The results of the research show that when identifying Manichaean artifacts, difficulties arise due to the ability of the Manichaeans to adapt to the cultural environment of society, where Manichaeism has spread. In Central Asia, Manichaean artifacts are difficult to distinguish from Buddhist, Muslim or Christian artifacts. Nevertheless, these materials exist and talk about the existence of Manichaean communities associated with Sogdians, who played a big role in the region, whose influence falls on the period of the domination of the Turkic Khaganates.

Key words: Manichaeism, Sogdians, Turkic Kaganates, artifacts, burial, written sources.

ДРЕВНИЕ ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ ВЕРХНЕГО ЕНИСЕЯ

Д.К. Тулуш

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований, Кызыл*

В статье представлено общее описание древних городских центров, существовавших на территории Тувы с периода хунну до возникновения Монгольской империи. Изучение основных характерных элементов градостроительных памятников каждого исторического периода позволило выделить 4 типа памятников, возводившихся, в первую очередь, на берегах Енисея и Хемчика: городища с земляными валами, глинобитные крепости и городища, каменные крепости и наблюдательные пункты, неукрепленные административно-ремесленные города.

Ключевые слова: Енисей, города, Средневековье, городские центры.

Республика Тыва (Тува) расположена в самом центре азиатского материка и представляет собой уникальный в историческом плане регион. С севера и востока Тува ограничена высокими хребтами Западного и Восточного Саян, с запада – Алтайским нагорьем, на юге – хребтами Обручева и Танну-Ола. Они образуют Тувинскую котловину, по которой протекают р. Енисей (тув. – Улуг-Хем) и ее левый приток – Хемчик.

Несмотря на естественные преграды, обширные территории Тувы (более 170 тыс. км²) постоянно входили в зону политических и военных интересов древних государств Центральной Азии, возникших